

О. В. Рупташ

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ СМЫСЛА В ГУМАНИТАРНО-НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ ЗНАНИЯ

Предметное поле философии науки в XX столетии значительно расширилось после ряда так называемых «поворотов» — лингвистического, историко-культурологического, аксиологического, каждый из которых сопровождался вовлечением научного сообщества в новые области исследований. В последнее время активно обсуждаются вопросы о значении «гуманитарного поворота» и связанная с ним проблема определения ниши гуманитарных наук в философии науки. Издаются учебники по философии и методологии гуманитарных наук, разрабатываются учебные программы для студентов вузов. В то же время в плане проведения XXIII Всемирного конгресса по философии (Афины, 4–10 августа 2013 г.) среди 75 секций есть секции по философии науки, философии социальных наук, философии языка, философии права, философии истории, философии и литературе, философии и лингвистике и т. д., — но нет секции по философии гуманитарных наук, что вызывает целый ряд вопросов, рассмотрение которых может стать предметом отдельной дискуссии и не предусмотрено целью данной статьи.

Область исследований гуманитарных наук в философии науки, как правило, ограничивается анализом сравнительных характеристик методологии гуманитарных и естественных наук и определением различий между ними. Такой подход — назовем его *спецификационным* — продолжает традицию европейской философии, заложенную в XIX столетии В. Дильтеем и неокантианцами — В. Виндельбантом, Г. Риккертом. В русле этого подхода изучаются и обосновываются специфические черты гуманитарного знания и методов его получения.

Под влиянием позитивизма в XX в. наметился и другой подход к проблеме обоснования методологии гуманитарных наук — *унификационный*, в рамках которого разрабатывались общенаучные стандарты и нормы, ориентированные на приоритет эмпирических исследований и логико-математические процедуры теоретических выводов. С позиций этого подхода Л. Витгенштейн, К. Гемпель, П. Оппенгейм, К. Поппер, Э. Нагель и др. обратили внимание на несоответствие гуманитарных наук строгому идеалу научного познания.

Постепенно уровень противостояния между различными областями научного знания в определении первенства той или иной методологической базы снижается. Этому способствуют, на наш взгляд, следующие факторы: 1) углубление процессов дифференциации научных областей и сопутствующей им *гиперспециализации* в каждой из наук; 2) расширение междисциплинарных исследований, которые предполагают взаимодействие наук на основании использования специфических методов каждой из них; 3) воздействие сциентистских установок на гуманитарные науки путем активного внедрения методов математического анализа, эксперимента, моделирования и т. п.

Рупташ Ольга Васильевна — кандидат философских наук, доцент, Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича (Украина); e-mail: animus@ukr.net

В настоящее время актуальным становится *интеграционный* подход, согласно которому гуманитарные науки обладают собственным потенциалом для обогащения общенаучной методологии, дополняя естествознание и математические науки. Основания этого подхода анализировались в работах С. Н. Автономовой, К.-О. Апеля, Х.-Г. Гадамера, П. П. Гайденко, Л. В. Губерского, Э. Гуссерля, М. К. Мамардашвили, В. Л. Махлина, В. Н. Поруса, М. Хайдеггера, Л. А. Шашковой и др. Одним из перспективных ракурсов исследования методологического потенциала гуманитарных наук в рамках данного подхода является «дискурс смысла» (термин предложен Г. Л. Тульчинским). Идея смысла сыграла ведущую роль в становлении гуманитарных наук и является одним из факторов в «нынешнем сдвиге гуманитарной парадигмы» [1, с. 14].

По мнению П. П. Гайденко, смысл как единый принцип целесообразности должен стать основой новой рациональности, фундаментом как наук о природе, так и наук о культуре, что позволит преодолеть их дуализм и противостояние. Только реабилитировав значение разума как способности «понимать смысловую связь не только человеческих действий и душевных движений, но и явлений природы, взятых в их целостности, в их единстве, в их *живой связи*» [2, с. 14], наука в целом может вернуть себе статус гуманитарной ценности. Если наука — это многомерное познание мира, то помимо природно-вещественного взгляда на мир гуманитарное измерение, с точки зрения В. В. Ильина, предполагает духовно-смысловой образ мира [3, с. 267].

Ценностно-смысловые характеристики теоретического знания и научной методологии стали предметом исследований многих российских и украинских философов, среди которых следует выделить И. Т. Касавина [4], С. Б. Крымского [5], Г. Л. Тульчинского [1].

В исследовании категории смысла, наряду с методологическими установками аналитической философии, феноменологии, структурализма и других современных направлений философии, в ряде работ (С. С. Гусева, М. Г. Марчука, М. Н. Эпштейна, М. В. Шугурова) намечен новый *потенциалистический* подход к пониманию смысла. Как отмечает М. Г. Марчук, «выявляя аксиологические потенции естественной и социокультурной среды, человек вместе с тем актуализирует свои собственные потенции, реализует духовные возможности, свое предназначение в Универсуме, осуществляет высший смысл существования. Соответственно, и понимание этого смысла должно быть ценностно-потенциалистическим» [6, с. 51]. Такой подход противостоит односторонней гносеологической трактовке смысла и, как следствие, презумпции рационально-сциентического истолкования познания. Напротив, акцентируется внимание на возможностях раскрытия духовно-ценностного потенциала субъекта познания: «Осмысленность явлений окружающего мира предусматривает наличие смыслопорождающих потенций субъекта, которые целенаправленно актуализируются во взаимодействии с соответствующими потенциями внешнего мира» [6, с. 81].

Смысл, согласно потенциалистическому подходу, не предустановлен процессу познания, а раскрывается во взаимодействии человека с миром, в диалоге «Я» с «Другим», в соприкосновении наличного и идеального. Предпосылки такого понимания смысла мы находим, в частности, в работах Михаила Бахтина, которому принадлежит уникальная партия в многоголосии дискурса смысла в XX в.

Согласно концепции Бахтина, гуманитарное знание можно определить как знание о смысловых явлениях и связях. Раскрывая природу смысла, Бахтин определяет три главные его характеристики, тесно взаимосвязанные между собой: 1) ответный харак-

тер смысла; 2) диалогический характер смысла; 3) универсализм смысла, его всемирность и всевременность.

Ответный характер смысла. Данная характеристика определяется тем, что смысл — это всегда ответ на вопрос. «То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [7, с. 350]. На первый взгляд, для искушенного в вопросах гуманитарной методологии исследователя, Бахтин производит логическое обращение представленного Х.-Г. Гадамером в «Истине и методе» отношения смысла и вопроса: «К сущности вопроса относится то, что вопрос имеет смысл. Смысл, однако, есть направленность (*Richtungssinn*). Смысл вопроса — это, таким образом, направление, в котором только и может последовать ответ, если этот ответ хочет быть осмысленным, смыслообразным. Вопрос вводит опрашиваемое (*das Befragte*) в определенную перспективу. Появление вопроса как бы вскрывает бытие опрашиваемого. Поэтому логос, раскрывающий это вскрытое бытие, всегда является ответом. Он сам имеет смысл лишь в смысле поставленного вопроса» [8, с. 426]. Но если Гадамер подчеркивает ограниченность горизонта вопроса предпосылками знания, несмотря на его открытость [8, с. 427–428], то Бахтин акцентирует внимание как раз на незавершенности смысла, уходящей во временную (историческую) бесконечность. В частности, методологическое значение вопроса в продуцировании смысла в гуманитарном познании Бахтин иллюстрирует на примере культурологического исследования: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [7, с. 334–335].

В интерпретации Бахтина диалог как метод познания необходим не только познающему для открытия новых знаний, но и познаваемому, который благодаря диалогу обретает голос. Центральное место в познавательном процессе, с этой точки зрения, занимает не субъект и не объект, а *вопрос*, который определяет ракурс их обоюдного, взаимного раскрытия и смыслового наполнения.

Диалогический характер смысла. На первый взгляд, эта характеристика совпадает с предыдущей. Но диалогичность подчеркивает *двувекторность* смыслообразования и одновременно его процессуальность (в отличие от фактуальной данности, или *заданности*, в терминологии Бахтина). Диалогичность проявляется в возможности уточнения, изменения смысла. Бахтин подчеркивает различие между смыслом и значением. Смысл устанавливается каждый раз в конкретном диалоге, а значение «условно абстрагировано из него». В значении заложена потенция смысла, которая может быть актуализирована в диалоге. «Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего. Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть “смысла в себе” — он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая

только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно, и потому каждое отдельное звено ее снова и снова обновляется, как бы рождается заново» [7, с. 350–351].

Универсализм смысла, его всемирность и всевременность. Значение этой характеристики Бахтин особо не поясняет, лишь констатируя и принимая ее как предпосылку. Мы можем допустить, что смысл универсален, поскольку он охватывает всю целостность мира (шире — бытия) в пространственном и временном континууме. Смысл соразмерен миру, который также един — в целостном охвате длительности, и множествен — в каждый конкретный момент времени. Мир как целое можно лишь осознать, но нельзя почувствовать. Бахтин противопоставляет «органическое целое сознания (или личности)» безличной системе наук (и вообще знания) [7, с. 351]. Классическая наука сформировалась на основе аналитического метода, препарировав мир на составляющие его части — сферы и объекты исследования. Научное познание достигло известных успехов на этом пути, но мир как целое доступен лишь личностному, *участному* сознанию.

Подведем некий промежуточный итог. Общей характеристикой гуманитарных наук является направленность на актуализацию смыслового потенциала познаваемых объектов — явлений и событий *человеческого мира* (сам человек, общество, культура). *Предмет* исследования в гуманитарных науках в самом широком значении — *смысл*, который проявляется, формируется или порождается в диалоге между исследователем и исследуемым. Исследование в гуманитарных науках — это прежде всего процесс осмысления, который подчиняется определённой методологии. Формирование этой методологии, как отмечали уже Дильтей, Виндельбанд и Риккерт, обусловлено, с одной стороны, особенностями объектов гуманитарного познания, с другой — используемыми методами.

Михаил Бахтин представил собственное видение гуманитарной методологии, с точки зрения целей и задач гуманитарных наук. В его философской концепции намечены принципы гуманитарного познания, направленные на выявление смысловых (диалогических) отношений и связей изучаемой реальности. Проанализируем те из них, которые могут, на наш взгляд, служить основанием гуманитарно-научной парадигмы.

1. *Преодоление оппозиции субъекта и объекта в гуманитарном познании.* Бахтин различает в науке три типа отношений. К первому типу относятся отношения между объектами. Они характерны для вещей, явлений (физических, химических и т. п.). Это причинные, математические, логические, лингвистические отношения и др. Ко второму типу относятся отношения между субъектом и объектом. Они полностью раскрыты в классической эпистемологии. Для гуманитарной методологии особое значение имеют отношения третьего типа — отношения между субъектами — «личностные, персоналистические отношения: диалогические отношения между высказываниями, этические отношения и др. Сюда относятся и всякие персонифицированные смысловые связи. Отношения между сознаниями, правдами, взаимовлияния, ученичество, любовь, ненависть, ложь, дружба, уважение, благоговение, доверие, недоверие и т. п.» [7, с. 342–343].

Бахтин не ограничивает гуманитарное познание изучением исключительно третьего типа отношений и признаёт методологическое значение каждого из названных типов, предостерегая при этом, что они «оправданны, но в определенных, методологически осознанных границах и без смешения. <...> Умерщвляющий анализ совершенно

оправдан в своих границах. Чем лучше человек понимает свою детерминированность (свою вещность), тем ближе он к пониманию и осуществлению своей истинной свободы» [7, с. 343].

Исходной предпосылкой гуманитарных наук является признание человеческой свободы и, как следствие, выделение человеческого, культурного в естественном, природном порядке. В науках о человеке и человеческом мы исподволь опираемся на кантовское разделение царства природы и царства свободы, допуская, что человек может начинать причинный ряд, а не только подчиняться необходимости, т. е. может *поступить* так, может *не поступить* так, может *поступить иначе*. Гуманитарное познание не ограничено двузначной логикой причинно-следственных связей, но предполагает возможность двух и более вариантов значений.

Общая методология гуманитарных наук в своем основании может опираться на предложенную М. Бахтиным философию поступка, в которой действие человека рассматривается как следствие свободы выбора, принятие решения, реализации возможности. При этом во внимание принимаются и основания выбора, и рассмотрение последствий, и осознание ответственности, что в обобщенной форме представляет собой процесс осмысления.

2. *Признание участного сознания субъекта гуманитарного познания.* Субъект гуманитарного познания рассматривается Бахтиным как целостное личностное сознание, в котором не разъединены познавательный интерес, этический долг и эстетическое чувство. Как отмечает Л. А. Микешина, «вместо “мира теоретизма” с его абстрактными гносеологическими категориями Бахтин выстраивает новый мир исторически действительного участного сознания, в который с необходимостью включит также новые — ценностные (этические и эстетические) отношения цельного человека, тем самым замещая частичного гносеологического субъекта в его оппозиции объекту (бинарные отношения) архитектурной целостностью — единством познавательного, этического и эстетического» [9, с. 208].

3. *Раскрытие потенциальной сущности объектов познания в актуальной данности.* Главной особенностью и отличительной чертой объектов гуманитарного познания — смысловых явлений — Бахтин признает потенциальность сущности, осуществляемую каждый раз по-новому в новом актуальном контексте. «Смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох» [7, с. 332]. Предмет гуманитарных наук — *«выразительное и говорящее бытие»* — неисчерпаем в становлении смысла и актуализации значения.

Наука нацелена на раскрытие внутренних законов видимых явлений, постижение истинной природы исследуемых объектов. Таким образом, предполагается наличие скрытых законов, которые управляют очевидными, доступными в опыте процессами и явлениями. Гуманитарное познание, согласно методологическим установкам, предложенным М. М. Бахтиным, ориентировано не на единственное и однозначное объяснение явлений, выявляющее скрытые механизмы, а на многовариантность таких объяснений. Герменевтика, структурализм, семиотика и другие подходы в сфере гуманитаристики не учитывают принципиальной многозначности смысла. Бахтин же обращает внимание на то, что применение каждого из методов, предложенных и разработанных в рамках этих подходов, позволяет раскрыть смысл доступными при этом средствами

и в определенных пределах. Важно преднамеренно не ограничивать исследование объектов гуманитарного познания одним-единственным «правильным» методом.

4. *Плюрализм методологии гуманитарных наук.* Использование различных методов и подходов, концептуальных установок и т. д. дает возможность рассматривать явление в разных ракурсах, освещая новые открывающиеся грани. Бахтин, в частности, отмечает, что «литература — явление слишком сложное и многогранное, а литературоведение еще слишком молодо, чтобы можно было говорить о каком-то одном “единоспасающем” методе в литературоведении. Оправданны и даже совершенно необходимы *разные* подходы, лишь бы они были серьезными и раскрывали что-то новое в изучаемом явлении литературы, помогали более глубокому его пониманию» [7, с. 330–331]. Это высказывание можно отнести и к другим областям гуманитарного познания, «молодость» которых предохраняет их от догматизма и косности мышления.

При этом следует признать относительную замкнутость каждого метода и уровня анализа кругом исследуемых вопросов. Гуманитарная методология не является эклектикой, в которой смешивается всё со всем, как это иногда представляется. *Многозначность, многофакторность, поливариантность* гуманитарной методологии не отрицают необходимости применения в каждом конкретном случае только определенных адекватных методов исследования.

Метод позволяет избрать наиболее эффективный путь достижения цели познания. Общей и высшей целью науки является истинное знание. За последние два века понятие истины претерпело немало изменений. Утилитаризм, прагматизм, конвенционализм, релятивизм и другие направления сформировали свои представления об истине, ее критериях и значении в науке. Особенно остро отголоски дискуссий об истине отразились на научном статусе гуманитарных наук. Кризис корреспондентской концепции истины в таких науках, как физика, космология, избавил гуманитариев от необходимости оправдывать использование критериев научности знания, которые отличаются от принятых в естествознании.

Гуманитарии, принимая регулятивную функцию истины в познавательном процессе, не отказываются от идеалов познания, сформировавшихся в рамках гуманизма эпохи Возрождения и движения Просвещения, приоритетной областью применения которых является формирование личности и развитие культуры общества. Для реализации этих идеалов истина, как цель познания, соизмеряется с другой фундаментальной ценностью — свободой. На их пересечении возникает новое понимание смысла. Для человека истина — то, что служит свободе, что обрывает цепь закономерности (Кант). Истина не относительна, в значении абсолютной неопределенности, но соотносительна, в некоторой степени определенности (синергетика, порядок из хаоса).

5. *Критерий глубины понимания* — высший критерий гуманитарного познания. Раскрытие смысла нельзя оценить с точки зрения точности или неточности, поскольку «[т]очность предполагает совпадение вещи с самой собой. Точность нужна для практического овладения» [7, с. 410]. В гуманитарном познании Бахтин выделяет *вещную* и *смысловую* стороны. Вещи — это тела смысла. Анализируя литературное произведение или историческое событие, мы не можем изменить его вещное, актуальное бытие, ставшее фактом, но можем постигать его смысл как свободное незавершенное становление: «Выражение как осмысленная материя или материализованный смысл, элемент свободы, пронизавший необходимость» [там же]. К смыслу можно приблизиться, но его нельзя схватить, установить в единственно верном понимании. Смысл

может углубляться в процессе проникновенного понимания, значение — расширяется по мере расширения области его применения. Гуманитарное познание направлено на познание личности в разных способах ее выражения — словах, текстах, поступках, в продуктах деятельности, культуре, истории. За общими характеристиками выражений всегда присутствует индивидуальное, неповторимое, уникальное. «Это область открытий, откровений, узваний, сообщений. Здесь важна и тайна и ложь (а не ошибка). Здесь важна нескромность и оскорбление. Мертвая вещь в пределе не существует, это абстрактный элемент (условный); всякое целое (природа и все ее явления, отнесенные к целому) в какой-то мере лично» [7, с. 409].

6. *Историчность познания в контексте «большого времени».* Принцип историчности гуманитарного познания приобретает новое значение, поскольку цель гуманитарного исследования Бахтин определяет как раскрытие «смысловой глубины» изучаемого явления. Мыслитель обращает внимание не только на изучение явления в контексте исторического времени определенной культурной эпохи, но и на *вневременность* предмета изучения литературоведа, историка и других гуманитариев. Эта особенность предмета гуманитарного познания позволяет изучать явления, или объекты познания, в контексте так называемого «большого времени», соотнесенность с которым позволяет постичь глубину смысла, а не только значение изучаемого явления в исторической взаимосвязи с другими явлениями, событиями.

Здесь происходит различие значения и смысла в исторической, а не лингвистической или семантической плоскости. С точки зрения семантики, в наиболее упрощенной формулировке, значение слова определяется его соотнесенностью с системой языка, а смысл — с контекстом употребления. Согласно подходу Бахтина, явление (событие) обретает историческое значение в контексте проведенных взаимосвязей с другими историческими явлениями (событиями) в рамках определенного исторического периода. *Смысл* же раскрывается только в преодолении этих рамок, проникая вглубь прошлого и переступая горизонт будущего, в необозримо расширяющемся «большом» времени. Бахтин отмечает, что в области литературоведения исследователи исходят из настоящего или ближайшего прошлого. «Между тем произведение уходит своими корнями в далекое прошлое. Великие произведения литературы готовятся веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания. Пытаясь понять и объяснить произведение только из условий его эпохи, только из условий ближайшего времени, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины. Замыкание в эпохе не позволяет понять и будущей жизни произведения в последующих веках, эта жизнь представляется каким-то парадоксом. Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени*, притом часто (а великие произведения — всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [7, с. 331]. Эта же соотнесенность с *большим временем* характерна для исторических событий и личностей, которые продолжают жить в последующие эпохи в роли примеров, идеалов, героев, обретая более глубокий смысл в новых исторических контекстах. Способность смысла к обогащению проявляется в реализации потенциала ценностей и достижений прошлого в актуальном настоящем.

Гуманитарные науки, с одной стороны, *замкнуты* на некое единство — культуру, историю, человечество — как смысловой контекст, но с другой стороны, учитывают *открытый* характер этого единства. «В каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались нераскрытыми, неосознанными и не

использованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры» [7, с. 331].

7. *Принцип вненаходимости*, дистанцирования позволяет осуществлять творческое понимание. Этот принцип отличает методологию гуманитарных наук, предложенную Бахтиным, от методологии «наук о духе» Дильтея. Немецкий философ обосновал психологические принципы понимания, основанные на эмпатии. Возможность познать духовные явления заложена в сопереживании, проникающем в живое целое человеческой души. Бахтин критикует «неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры» [7, с. 334]. Понимание «изнутри» самого явления — только один из необходимых, но недостаточных моментов понимания. Это одностороннее или простое понимание, которому Бахтин противопоставляет *творческое понимание*. «Великое дело для понимания — это *вненаходимость* понимающего — во времени, в пространстве, в культуре — по отношению к тому, что он хочет творчески понять. Ведь даже свою собственную наружность человек сам не может настоящему увидеть и осмыслить в ее целом — никакие зеркала и снимки ему не помогут; его подлинную наружность могут увидеть и понять только другие люди, благодаря своей пространственной вненаходимости и благодаря тому, что они *другие*» [там же].

Этот принцип, основанный на принятии альтернативности (от лат. *alter* — «другой») понимания культурных и личностных феноменов, — одно из наивысших прозрений Бахтина в методологии гуманитарных наук. «В области культуры вненаходимость — самый могучий рычаг понимания. Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше)... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [7, с. 335]. Гуманитарное знание — не самоцель, а средство познания себя глазами других личностей, других культур, других эпох.

Итак, гуманитарный поворот в философии науки обозначил новый курс развития методологии научного познания. В работах М. М. Бахтина намечены принципы гуманитарного познания, которые, по нашему мнению, могут служить основанием гуманитарно-научной парадигмы: преодоление оппозиции субъекта и объекта; признание участного сознания субъекта познания; раскрытие потенциальной сущности объектов познания в актуальной данности; плюрализм методологии гуманитарных наук; критерий глубины понимания; историчность познания в контексте *большого* времени; вненаходимость познающего.

Эти принципы соответствуют потенциалистическому пониманию специфики гуманитарных наук. По словам М. Н. Эпштейна, «реальность, исследуемая гуманитарными науками, сплошь состоит из смыслообразующих возможностей, которые раскрываются, как веер, за каждым конкретным фактом» [10, с. 68]. Развитие гуманитарного знания обусловлено потенциалом взаимодействия познающего и познаваемого, их обоюдным взаимообогащением, в результате которого раскрываются новые смысловые горизонты понимания человеческого мира.

Литература

1. *Тульчинский Г.Л.* Смысл и гуманитарное знание // Проблема смысла в науках о человеке. М.: Смысл, 2005. С. 7–26.
2. *Гайденко П.П.* Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3–14.
3. *Ильин В.В.* Философия науки. М.: Изд-во МГУ, 2003. 360 с.
4. *Касавин И.Т.* Смысл как проблема эпистемологии и науки // Эпистемология & Философия науки. Т. XIII. № 3. 2007. С. 14–42.
5. *Кримський С.Б.* Запити філософських смислів. Київ: Вид. ПАРАПАН, 2003. 240 с.
6. *Марчук М.Г.* Ціннісні потенції знання. Чернівці: Рута, 2001. 319 с.
7. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г.Бочаров; текст подгот. Г.С.Бернштейн, Л.В.Дерюгина; прим. С.С.Аверинцева, С.Г.Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.
8. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н.Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
9. *Микешина Л.А.* Значение идей Бахтина для современной эпистемологии // Философия науки. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. М.: ИФ РАН, 1999. С. 205–228.
10. *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2013 г.